

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Пожиратель савана	5
2. Вот и снова я	25
3. Regina imperatrix	78
4. Весь мир — театр... ..	114
5. Видят ли ваши глаза так же, как мои	160
6. Джентльмен, который умеет удивлять	191
7. Услышьте этот знак	247
8. Сила крови	318
9. Клуб каннибалов	389
10. Он может быть только один ...	438
Эпилог	484

Благодарности	500
Источники	502
Об авторах	506

ГЛАВА 1.

ПОЖИРАТЕЛЬ САВАНА

Чедомиль Миятович и Милован Глишич покинули главного инспектора Аберлина, оставив его в компании Эдмунда Рида. Детектив на прощание пообещал, что утром придет за сербами карету.

— Около девяти вас устроит?

Глишич кивнул, в уставших глазах мелькнул отблеск того дикого чувства, что охватило его после событий в «Старой Вороне». Писатель и дипломат вышли в коридор, Миятович похлопал друга по плечу и сказал:

— Не стану лгать, что разделяю твои переживания, Глишич. Но, дружище, надеюсь, ты понимаешь: в опиумной курильне именно благодаря тебе убийца не покромсал нас всех механической рукой.

Глишич погладил всклокоченную бороду.

— Не стоит меня успокаивать, я знаю, что это был единственный способ остановить негодяя. К тому же он должен мне еще с Белграда.

Миятович словно попытался оттянуть продолжение разговора — медленно надел кожаные перчатки и снова посмотрел на Глишича.

— Я рад, что мне никогда не приходилось вот так вступать в схватку с противником. Но если бы я поведал тебе хотя бы часть историй из моей богатой дипломатической карьеры, ты бы согласился:

есть люди похуже убийц, с которыми ты столкнулся. Беда в том, что такие люди занимают высокие должности, они неприкасаемы и беспринципны, а некоторые еще и решают судьбы миллионов людей. — Миятович надел цилиндр и первым шагнул на улицу. — Отдохни, Глишич. Миссис Рэтклиф наверняка приберегла для тебя одно из своих фирменных блюд, так что не заставляй ее ждать. И попроси почистить пальто от крови: на черном она едва заметна, но есть.

Глишич вышел из здания столичной полиции вслед за другом, вдохнул необычно теплый и влажный лондонский воздух. Сербы сели в разные экипажи и отправились каждый по своим домам. В случае писателя — во временный, но все же получше отеля, который неизбежно напоминал бы о номере в «Национале». Гостевой дом миссис Рэтклиф был пропитан атмосферой уюта. Глишич хотя бы на мгновение мог представить, что находится в собственной квартире.

Во время поездки писатель разглядывал лица людей на улицах Лондона — бесконечную реку душ, которые блуждали день за днем, не имея надежды на лучшее будущее. Глишич благодарил Бога за то, что справился с испытаниями и выбрался из них почти невредимым. Наконец усталость сморила, и он вздрогнул, когда кучер сообщил, что они приехали. Глишич достал бумажник с деньгами, которые Миятович вручил ему, сняв некоторую сумму со счета короля, заплатил кучеру, добавив чаевые, поблагодарил за приятную поездку и поспешил по лестнице к главному входу. Только он потянулся к ручке, как дверь открылась и на пороге появилась миссис Рэтклиф.

— Надеюсь, вы голодны, сэр? — Она с тревогой обернулась на пустую столовую.

— Я бы съел слона, миссис Рэтклиф, — сказал Глишич, понимая, что действительно ужасно голоден.

Хозяйка рассмеялась.

— Надеюсь, вам понравится холодное заливное мясо.

— Непременно. А если я смогу получить чашку вашего дарджилинга, то поверю, что в этом мире есть совершенство.

— Вас ждет полный чайник, сэр. Это меньшее, что я могу для вас сделать.

Не было никаких сомнений: вдова Рэтклиф с нетерпением ждала новостей, но Глишич не оправдал ее надежды.

— День был долгим и утомительным. О некоторых событиях вы прочтете в завтрашних газетах, но мой вам совет — не воспринимайте новости серьезно. За эти несколько дней мне стало ясно одно: журналистов не интересует правда, они пишут громкие и скандальные заголовки в погоне за наживой.

Хозяйка кивнула и проводила Глишича в столовую. Он опустился в мягкое кресло и заметил большую фарфоровую тарелку, покрытую рисунком из голубой глазури: сельский пейзаж с одиноким деревенским домом. Подняв блюдо и осмотрев его, на обратной стороне он обнаружил клеймо «Денби» и 1809 год. За этим действием писателя застала вернувшаяся в столовую миссис Рэтклиф. Она, приложив руку ко рту, испуганно смотрела на него. Глишич с недоумением взглянул в ответ.

— Неужели тарелка грязная? — ужаснулась вдова.

Догадавшись, о чем она подумала, писатель улыбнулся.

— Все нет, миссис Рэтклиф. Меня заинтересовал производитель этого богато расписанного фарфора. Сцена, изображенная тут, вернула меня в дет-

ство и напомнила о том, кто я и откуда. Видите ли, я родился в деревушке Градац недалеко от сербского городка Валево. Раньше я не считал Валево маленьким, но по сравнению с Лондоном даже столица моей страны теперь кажется размером с горошину.

Миссис Рэтклиф порезала холодную заливную говядину и выложила ломтики на тарелку. После третьего кусочка Глишич жестом показал, что хватит, но вдова добавила еще два.

— Не стесняйтесь, сэ. Вы же проголодались, пока целый день бегали по городу. Некоторые не рекомендуют есть перед сном, а я считаю, что гораздо хуже ложиться спать натощак.

Глишич кивнул, вспомнив, что в юности много раз засыпал, корчась от голодных спазмов в желудке. Так проходили его тяжелые дни в Белграде после смерти отца в 1865 году, когда он потерял моральную и материальную поддержку и брался за любую работу, чтобы оплатить учебу и получить образование. Сложный период в жизни закалил его характер: он научил справляться с невзгодами и не позволять апатии и унынию захлестнуть его. Глишич взял приборы из серебра и вспомнил, как читал, что древние греки знали о чудодейственной силе этого металла. Офицеры Александра Македонского пили из серебряных чаш, чтобы избежать инфекционных заболеваний, а сарацины (так в западной Европе после крестовых походов называли всех мусульман) спаслись от чумы, храня воду в серебряных сосудах. Глишич отрезал кусок заливного и поднес вилку ко рту.

После ужина он попросил миссис Рэтклиф почистить пятна крови на пальто, и вдова посмотрела на него с изумлением.

— Не волнуйтесь, кровь не моя, и она там благодаря... ситуации... в которой я оказался сегодня, помогая сотрудникам столичной полиции в раскрытии важного дела. — Глишич улыбнулся, чтобы сгладить неловкость.

Миссис Рэтклиф с тревогой вздохнула и пробормотала, что смесь винного уксуса и соли творит чудеса, даже когда пятна въелись в ткань. Глишич поблагодарил и сказал, что пойдет спать.

Несмотря на смертельную усталость, в комнате писатель подошел к сундуку, поднял крышку и достал со дна коробки бутылку сливовицы, которую получил от представителя «Международной компании спальных вагонов», когда «Восточный экспресс» прибыл в Париж. Там Глишича встретил клерк, чтобы извиниться за случившееся во время поездки.

— Самое меньшее, что мы можем сделать сейчас, — это вернуть вам деньги. Вы понесли наибольший ущерб при попытке ограбления поезда. — Маленький человечек с тонкими усами посмотрел на Глишича с некоторым подозрением, будто догадался, что нападение организовали именно из-за него.

Глишич ответил, что в этом нет необходимости, ведь расходы на поездку несет Его Величество король Сербии Милан, поэтому, если они настаивают на возврате денег, им следует обратиться в посольство Сербии в Париже.

Представитель компании с видимым облегчением кивнул, сказав, что лично от себя хочет подарить бутылку сливовицы из Белграда, той самой, которую писатель заказал во время поездки для себя и Стокера.

— Не откажусь. — Глишич вспомнил, как разбил бутылку о голову нападавшего.

Он понимал, что в Лондоне будут дни, когда рюмка-другая поможет прояснить мысли. И сейчас наступил как раз один из таких. Глишич взял высокий хрустальный бокал для аперитива, налил сливовицы, выпил до дна и стряхнул с себя накопившееся напряжение. Перед сном предстояло еще одно дело — чистка «паркера». Глишич положил чемодан на стол, раскрыл его, достал масленку, фланелевую тряпочку для наружных металлических и деревянных частей, войлочные пробки, переходник и стержень с острой щеткой на конце, который можно было открутить и заменить на другой, с войлоком, для тонкой очистки. Во время ухода за первым стволом Глишич налил себе еще. Наполняя бокал в третий раз, мысленно сказал: «За второй ствол!» — и рассмеялся. Когда он закончил чистку и убрал обрез, то заметил, что выпил больше трети бутылки. Привести в порядок бороду сил уже не хватило. Глишич причесал усы, лег и заснул прежде, чем голова коснулась подушки.

Спал он или путешествовал во времени — кто знает. Но Глишич вернулся к Саве Савановичу.

Он не сразу осознал, что привязанный к кровати человек пришел в себя. Когда их взгляды встретились, Глишич отшатнулся, а тело пробрала дрожь.

— *Nodie mihi, cras tibi*¹, — сказал Саванович.

Глишич с отвращением посмотрел на преступника и плюнул на пол. Эх, если бы у него был второй патрон, даже друг Таса не помешал бы ему упокоить этого монстра.

— Каково сегодня мне, так завтра может быть и вам.

¹ Сегодня меня, завтра тебя (*лат.*). — Здесь и далее прим. ред., если не указано иного.

Писатель с любопытством поднял брови.

— Вы мне не верите, — сказал Саванович. — Тем хуже для вас.

Глишич театрально рассмеялся.

— То есть в твоей *власти* предсказать мою судьбу, Саванович? Если честно, ты не похож на цыганскую гадалку. Тебе под стать образ злодея, который закончит свое жалкое существование перед расстрельной командой в Карабурме!

Саванович облизнул верхнюю губу и нахмурился, почувствовав вкус собственной крови на языке.

— Хорошенько же вы меня приложили, писатель... Можно я буду называть вас писателем?

Глишич поднял «паркер» и опустил себе на плечо, крепко сжимая рукоять.

— Было бы лучше, если бы ты вообще не разговаривал, — прорычал он. — Время, когда ты пугал людей и забирал невинные души, безвозвратно ушло. Подумай, что будет, если я отдам тебя разгневанным людям, с которыми вернется Таса.

— Не умеете вы блефовать, писатель. Ваш друг слепо следует букве закона. Может быть, вы *действительно хотели бы* отдать меня на растерзание кровожадной толпе, но поверьте, этого не произойдет. Ведь мое пленение принесет вам такую славу, какую не принесло ни одно ваше произведение. И вот загвоздка: великий писатель наконец-то завоеует столь желанное обожание масс, но благодаря настоящему поступку, а не литературному таланту. Что об этом сказали бы ваши герои? Плохой же вышел из вас отец....

— Заткнись, гад! — выкрикнул Глишич и вскочил на ноги. Вскинул «паркер» над головой, но передумал и опустил. — Придержи свой змеиный язык за зубами, Саванович, иначе я заткну тебе рот тем же кляпом, которым ты заставил замолчать Тасу.

Саванович посмотрел на Глишича, отвернулся и, казалось, погрузился в свои мысли.

«Ладно, — подумал Милован, — ему есть о чем подумать, и пусть мысль о том, что его ждет, никогда не покидает его голову. Он больше не Зарожский Кровопийца. Вот он, передо мной, никому не нужный, как бешеный пес, ожидающий отправки на живодерню».

Но слова Савановича попали писателю в самое сердце, убедив, насколько убийца хитер. Неудивительно, что он вселял страх в умы людей: суеверия трудно искоренить, как и глубоко засевшие убеждения.

Глишич взглянул на заключенного — тот внимательно изучал наручники, которыми был прицеплен к кровати.

— Смотри сколько угодно, — сказал Милован, — но ключ от наручников в кармане Тасы.

— Я уже был в кандалах, — буркнул Сава, не глядя на собеседника. — И даже не думайте, что те, кто пленил меня, были ко мне снисходительнее. Если бы я рассказал вам, на какие злодеяния готовы пойти люди во имя справедливости, вы бы поняли, что грань между преступником и так называемыми праведниками легко стереть.

— Нет-нет, даже не пытайся вызвать сочувствие к себе, — сказал Глишич без тени сострадания. — Ты обратил в прах свое прошлое, когда решил забрать первую жизнь.

Саванович горько улыбнулся.

— Вы думаете, что знаете все, писатель? Что разоблачили преступника, написав «Переполох в Зарожье», и поэтому держите меня здесь? Должен вас разочаровать: я знаю о людях гораздо больше, чем вы. Земля, по которой вы ходите, проклята, писатель Глишич. Кто знает, сколько лет назад сюда

попало непостижимое зло и поразило всех местных жителей. Я могу сказать с уверенностью... потому что чувствую это с тех пор, как появился здесь в 1729 году.

Глишич сперва решил, что не расслышал или не так понял Савановича, поэтому посмотрел на него с недоверием.

— Правильно ли я понимаю, что ты родился в 1729 году?

Саванович вздохнул и покачал головой.

— Нет, я имел в виду, что приехал *сюда*, точнее в Белград, в 1729 году. Я родился в 1702 году в силезском городе Вартенберге, первым из трех детей.

— И что ты сделал со своими братьями и сестрами? — насмешливо спросил Глишич. — Съел их?

— Крайне неуместная шутка. Ваше издевательство над тем, чего вы не понимаете, вероятно коренится в печальном событии из вашего раннего детства.

Голос Савановича стал мягче, а в глазах появился зеленовато-серый оттенок, хотя до этого они были карими — в этом Глишич мог поклясться. Он списал это на усталость и пережитые события, хотя, как писатель, всегда был внимателен к деталям.

— Придется тебя разочаровать: у меня было счастливое детство, — сказал Глишич. — Но продолжай — интересно, куда приведет твое признание.

Писатель пододвинул стул и сел, опустив «паркер» на колени.

— Не знаю, известно ли вам, но Силезия была под чешской короной в четырнадцатом веке как часть Священной Римской империи, прежде чем в 1526 году перешла под власть Габсбургской монархии.

Глишич закатил глаза.

— Пропусти исторические детали. Таса поехал в Лелич, а не в Белград, у нас нет впереди целого дня, чтобы слушать твои рассказы, начиная с самого бана Кулина¹.

— Мое настоящее имя Иоганн Фридрих Баумгартнер.

Глишич посмотрел на него, приподняв брови, а Сава Саванович продолжил:

— В семнадцать я поступил на медицинский факультет Венского университета. Одним из моих сокурсников был голландец Герард ван Свитен, который в 1745 году стал личным врачом Марии Терезии² и основал крупнейшую больницу в Европе.

— Вот что значит не везет по жизни, — сказал Глишич. — Этот... Герард... оказался с императрицей, а ты — в захолустье Сербии.

— Пожалуй, это была не самая большая несправедливость, которая со мной произошла. Получив медицинское образование, я пошел в армию и на протяжении многих лет оттачивал мастерство хирурга. Из-за войны с турками в 1729 году меня перевели в Белград. Через два года я должен был вернуться в Вену, где меня ждала невеста. Я собирался жениться в начале 1732 года, но моим планам помешал проклятый Арнаут Поль...

— Арнаут Павле! — Глишич дернулся так внезапно, что обрез выпал из рук и отскочил прямо к ногам Сава Савановича, но преступник даже не взглянул на него. Глишич подошел и поднял оружие.

¹ Кулин (1163–1204) — боснийский бан, правивший страной с 1180 по 1204 год.

² Мария Терезия (1717–1780) — эрцгерцогиня Австрии, королева Богемии и Венгрии из династии Габсбургов.

— Вижу, вы знакомы с документом *Visum et Repertum*¹, — подметил Саванович.

— Еще как. В нем ученые официально подтвердили, что вампиры в Сербии — не просто миф. Но как это связано с тобой?

Саванович грустно улыбнулся.

— Я был в экспедиции под руководством военного врача из полка барона Фирстенбаша, Йоханнеса Фликингера.

Глишич знал легенду о гайдуке² по имени Арнаут Павле еще со школьной скамьи. Ее часто пересказывали дети, добавляя выдуманные детали, чтобы оживить мистическую историю. В ней говорилось, что этот гайдук во время службы в османской армии — вероятно, именно там он получил имя «арнаут», как называли христианских наемников — рассказывал, как за ним по пути из Греции в «турецкую Сербию» следовал вампир, которого в конце концов ему пришлось убить в Косово. Опасаясь, что сам станет вампиром, Павле сжег труп и, согласно традиции, съел немного земли с могилы нечисти, чтобы после смерти не вернуться неуспокоенным. После этого он оставил армию и возвратился в Сербию, где поселился в деревне Медведжа под Трстеником. Павле посвятил себя сельскому хозяйству и, возможно, получал финансовую поддержку от австрийской военной администрации, которой были нужны опытные и умеющие обращаться с оружием люди на границе с османами. Павле женился на дочери соседа, но жил в страхе, что умрет молодым и станет вампиром, в чем и признался жене. Судьба

¹ *Visum et Repertum* — подборка судебно-медицинских свидетельств, связанных с расследованием случаев вампиризма.

² Гайдук — повстанец, партизан, который боролся против турецкого владычества.

словно услышала его — Павле упал с сеновала и сломал шею. Его похоронили на местном кладбище. Вскоре распространились слухи, что Павле душит односельчан во сне, поэтому после четырех необычных смертей, в страхе перед вампирами, мужчины выкопали гроб. В нем увидели тело гайдука — оно было покрыто свежей кровью, а ногти удлинились и заострились. Убежденные, что Павле стал вампиром, они пронзили его колом в сердце, сожгли останки и развеяли пепел. На этом история вампира Арнаута Павле закончилась бы, если бы в 1731 году не появились новые случаи.

Загадочные смерти в Медведже вынудили Шнецера, командующего австрийской императорской армией в Ягодине, отправить доверенного человека, доктора Глазера, расследовать случаи и определить, не была ли это эпидемия чумы, которая пришла из Османской империи. 12 декабря 1731 года Глазер, врач императорского полка, прибыл в Медведжу и отправил донесение, что не обнаружил чумы, но столкнулся с вампирами. Местные жители пребывали в ужасе и угрожали уехать, если власти ничего не предпримут. Представители австрийских властей понимали, что границу не получится удерживать без боеспособного населения, поэтому отправили в Медведжу целую экспедицию, в которую, кроме доктора Иоганна Фликингера, вошли лейтенант Битнер, прапорщик Линденфельс и два военных врача более низкого ранга: Исаак Зигель и Иоганн Фридрих Баумгартнер, то есть Сава Саванович, судя по тому, что последний рассказал Глишичу.

Лагерь для экспедиции разбили на равнине недалеко от деревни. В одной из палаток поселился Фликингер, в двух других — офицеры и врачи. Четвертая, самая большая палатка представляла собой импровизированный кабинет врача, куда после экс-

гумации привозили трупы для осмотра. К австрийской экспедиции в лагерь пришли капитан гайдуков Горшич, безмянный крестьянин, знаменосец и несколько старейших деревенских гайдуков, из чего можно было сделать вывод, что деревня Медведжа подчинялась австрийской военной структуре.

— Честно говоря, я бы чувствовал себя в большей безопасности, если бы с нами пошел отряд имперских солдат, но командование посчитало, что в этом не было необходимости, потому что нашу безопасность гарантировал капитан гайдуков, — признался Саванович, монотонно пересказывая события. — Но то, что мы там нашли, оказалось далеко даже от самых безумных фантазий. Местные жители испугались и отказались вскрывать могилы, поэтому пришлось нанять цыган из того района, приказать им выкопать мертвецов, вызывающих подозрение, и принести в нашу палатку. Всего мы осмотрели семнадцать трупов, двенадцать из которых соответствовали описанию вампиров: даже спустя три месяца после смерти их тела не разложились, а волосы и ногти отросли.

Саванович рассказал, как после вскрытия двадцатилетней девушки по имени Стана они увидели, что ее внутренние органы находятся в хорошем состоянии, напитанные кровью.

— Если бы такие показатели, как отсутствие сердечного ритма и дыхания и низкая температура тела, не указывали на то, что девушка мертва, я бы поверил, что она впала в глубокий сон, похожий на кому. Кроме того, от нее не шел характерный смрад гниющей плоти. Мне захотелось узнать больше о похожих случаях, потому что на практике я ни с чем подобным не сталкивался. Наиболее близкое описание я нашел в сочинениях про стригоев, своего рода румынских вампиров, но те записи больше